

Н.И. Тургенев

**О суде присяжных и о судах
полицейских в России**

часть IV. тетрадь I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
Н11

Н11 **Н.И. Тургенев**
О суде присяжных и о судах полицейских в России: часть IV. тетрадь I / Н.И. Тургенев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 152 с.

ISBN 978-5-458-08146-7

ISBN 978-5-458-08146-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Всѣ преобразованія, всѣ реформы вообще бываютъ двоякаго рода. Вліяніе однихъ ограничивается сферою матеріальною, вещественною; другія непосредственнымъ дѣйствіемъ своимъ проникаютъ въ высшія сферы нравственнаго быта людей. Конечно вліяніе первыхъ распространяется иногда далѣе той цѣли, для коей онѣ были въ самомъ началѣ предприняты, — такъ какъ польза даже просто матеріальная часто производитъ выгодное дѣйствіе въ нравственномъ отношеніи. Не менѣе того отличительный характеръ обоого рода преобразованій, ясно существуетъ и ясно отражается въ примыхъ, непосредственныхъ послѣдствіяхъ ихъ. Такъ, напримѣръ, здоровое преобразование тарифа, утверждающее свободу торговли и обмѣна товаровъ, есть, по самому существу своему, реформа матеріальная; между тѣмъ какъ здоровое преобразование ученія народнаго, учебной части въ государствѣ, есть реформа нравственная, моральная. И то и другое полезно и благотворно; но каждое въ своемъ родѣ, въ своей сферѣ. Различіе состоитъ въ степени важности и превосходства двухъ родовъ, двухъ сферъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Россія сдѣлалась очевиднымъ для всѣхъ театромъ различныхъ реформъ и преобразованій, т. е. со временъ Петра Іго, мы находимъ, что сіи реформы были вообще реформы матеріальныя. Опѣ, безъ сомнѣнія, имѣли свою пользу; но нельзя не согласиться, что, принимая въ уваженіе всеобъемлемость, рѣзкость, крутость сихъ реформъ, вліяніе ихъ было весьма незначительно на нравственное развитіе русскаго народа.

Послѣ Петра до временъ Екатерины ІІй какой-то дикий мракъ объялъ Россію, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ военныхъ происшествій, ознаменовавшихъ царствованія Анны и Императрицы Елисаветы, грустная мысль останавливается только на одномъ отрадномъ событіи сего послѣдняго царствованія, на учрежденіи московскаго университета. Это учрежденіе въ полномъ смыслѣ можно назвать нравственною реформою. Сей же Императрицѣ Елизаветѣ подобала бы великая честь и слава въ исторіи за уничтоженіе смертной казни, еслибы благое и прямо религіозное намѣреніе ея оправдалось въ послѣдствіи на опытѣ. Къ несчастію, отъ кнута, отъ плетей, отъ произвольныхъ палокъ и розогъ, въ Россіи умираетъ гораздо болѣе людей, нежели гдѣ либо отъ законныхъ смертныхъ приговоровъ.

Самая значительная, самая важная реформа царствованія Екатерины ІІ, „Учрежденіе губерній,“ будучи, въ слѣдствіе матеріальнаго установленія различныхъ присутственныхъ мѣстъ и вѣдомствъ, реформою матеріальною, имѣло вмѣстѣ съ симъ характеръ рѣшительно нравственный, моральный. Уже одно устройство собраний и совѣ-

шаній дворянскихъ должно было имѣть и дѣйствительно имѣло благотѣльное нравственное дѣйствіе.

Учрежденіе губерній было заимствовано отъ Остѣ-Зейскихъ губерній. Оно конечно могло бы быть болѣе усовершенствовано, болѣе приспособлено къ русскому быту и даже въ намѣреніяхъ и предначертаніяхъ самой Императрицы было много хорошаго, полезнаго, невошедшаго въ окончательное начертаніе сего важнаго узаконенія. Это мы знаемъ теперь изъ жизнеописанія единственнаго ея совѣтника въ семъ дѣлѣ, Графа Сиверса, одного изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Россіи. Излишне было бы далѣе распространяться о дѣйстви, которое имѣло въ Россіи учрежденіе губерній, о вліяніи сей реформы на гражданское развитіе если не всего русскаго народа, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ классовъ онаго. Всѣ мыслящіе въ Россіи вполнѣ это знаютъ и чувствуютъ. Впрочемъ еще до селѣ Россія живетъ этимъ узаконеніемъ Екатерины.

Царствованіе Императора Александра Іго, озаренное славою столь необычайною и вмѣстѣ столь же чистою, не представляетъ, къ глубокому сожалѣнію нашему, всѣхъ тѣхъ благотворныхъ преобразованій, коихъ всѣ любящіе Россію отъ него ожидали, и желаніемъ коихъ была наполнена собственная его великая и благая душа. Независимо отъ преобразованій и нововведеній матеріальнаго рода, кои конечно имѣли свою пользу и даже окончательно и посредственно свое вліяніе на нравственное развитіе народа, реформы прямо нравственнаго, моральнаго рода, ограничиваются весьма немногимъ и именно: прекраще-

ніемъ обычая дарить крестьянъ дворянамъ; — это самая лучшая и важная реформа; — и по томъ различными учрежденіями по учебной части, увеличеніемъ числа университетовъ и училищъ; и наконецъ освобожденіемъ, довольно впрочемъ плохимъ, крестьянъ Остѣ-Зейскихъ губерній.

Одна изъ замѣчательныхъ реформъ сего царствованія — едва ли не самая замѣчательная — состояла въ учрежденіи министерствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ отношеніяхъ новый порядокъ упрочилъ болѣе правильности въ теченіи и производствѣ дѣлъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько пустыхъ формъ, сколько излишнихъ, ни къ чему неведущихъ переписокъ, записокъ, бумагъ всякаго рода появилось въ дѣлопроизводствѣ съ симъ учрежденіемъ! Сколько скромныхъ и болѣе или менѣе соотвѣтствовавшихъ практическимъ потребностямъ, присутственныхъ мѣстъ обращено въ многосложные департаменты и даже въ министерства, и все сіе безъ нужды, безъ пользы, и слѣдовательно ко вреду по крайней мѣрѣ финансовъ. Гнъ Сперанскій, въ одной запискѣ, говоритъ, что если бы 1812й годъ нашелъ Россію при старомъ устройствѣ государственнаго управленія, то государство не могло бы преодолѣть всѣхъ препятствій по управленію, и что если оно ихъ преодолѣло, то этимъ Россія обязана учрежденію министерствъ. Надобно имѣть необычайную вѣру въ силу и дѣйствіе реформъ на бумагахъ и реформъ въ самыхъ бумагахъ, чтобы дойти до такого заключенія. Мы этой вѣры не имѣемъ. И еслибы, посреди безчисленныхъ проэктвъ и предположеній Гна Спер-

ранскаго, ему удалось, напимѣръ, основать гласное и словесное судопроизводство или отстранить, или только умѣрить тѣлесныя наказанія, коими такъ богатъ, даже для женщинъ, сводъ законовъ; еслибы даже онъ подумалъ объ учрежденіи простыхъ полицейскихъ судовъ въ родѣ тѣхъ, какіе мы здѣсь предлагаемъ; то имя его вѣрнѣе перешло бы къ потомству; слава его была бы прочнѣе. Бумажные памятники не долговѣчны. Но нѣтъ! Всѣ реформы, возникшія въ головѣ его, — душа въ нихъ не участвовала, — были реформы матеріальнаго рода, всѣ безъ исключенія: отъ учрежденія министерствъ до его пышнаго проекта общаго государственнаго уложенія, въ которомъ изъяснено въ подробности какъ бумаги восходятъ и нисходятъ отъ однѣхъ мѣстъ и лицъ къ другимъ, и гдѣ едва въ двухъ словахъ упоминается объ освобожденіи крестьянъ!

Матеріальныя реформы могутъ учредить только матеріальный порядокъ. Для жизни народа, для развитія его нравственнаго и гражданскаго, преобразованія должны быть согрѣты истинною христіанскою любовью къ людямъ, вѣрою въ высокое предназначеніе человѣка, глубокимъ уваженіемъ къ его личности, къ его душѣ безсмертной. И здѣсь, при мысли о такихъ преобразованіяхъ, кои изъ души преобразователя прямо переходятъ въ душу народа, мы невольно вспоминаемъ объ этой важнѣйшей изъ всѣхъ реформъ, объ освобожденіи крестьянъ, твердо предпринятомъ Александромъ II. Всѣ наши слова были бы безсильны для изъясненія того что мы чувствуемъ при мысли объ этомъ великомъ и святомъ предпріятіи, и намъ

остается вспомнить Вильберфорса, который, доживъ до окончательнаго и полнаго освобожденія Негровъ, умирая, произнесъ молитву Сүмеона: „Нынѣ отпускаешъ раба Твоего, Владыко, по Глаголу Твоему, съ миромъ“....

Такой реформы, призывающей къ человѣческой жизни нѣсколько миліоновъ людей, обновляющей обширнѣйшее государство въ Европѣ, достаточно, чтобы прославить какое бы то ни было царствованіе и прослѣвить самую чистою, неуздаемою, святою славою! Важность всѣхъ прочихъ реформъ, сколь бы онѣ ни были необходимы, блѣднѣетъ и ослабляется въ сравненіи съ сею коренною и всеобъемлемою, все проникающею реформою. Не менѣе того преобразователь главнѣйшаго, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ преобразованіямъ второстепеннымъ. И такъ мы видимъ появленіе проектовъ по разнымъ частямъ государственнаго правленія. Печатая наши мысли о судебныхныхъ преобразованіяхъ, мы упомянемъ здѣсь только о томъ, что намъ извѣстно о приготавливаемыхъ реформахъ по сей части.

Общее мнѣніе во Россіи съ нетерпѣніемъ ожидаетъ переменъ въ судопроизводствѣ. Мѣста и лица, занимающіяся въ Россіи составленіемъ и редакціею законовъ, рѣшились удовлетворить всеобщему желанію.

Дабы достойнымъ образомъ соотвѣтствовать сему всеобщему желанію, столь настойчиво изъявляемому всею Россіею, надлежало бы, кажется, подумать о преобразованіи и судебного порядка вообще и самыхъ мѣстъ судебныхъ; потому что все это гнило, безтолково и не отвѣчаетъ самымъ скромнымъ требованіямъ здраваго, порядочнаго

судопроизводства. Между тѣмъ мы видимъ, что сочинители или редакторы новаго проекта преобразованія судебного, изъ тысячи золъ, избрали одно зло, конечно весьма великое и весьма пагубное, но при всемъ томъ только одно, оставляя неприкосновенными множество иныхъ золъ. Это избранное въ жертву зло можно означить общимъ названіемъ *судебной проволоки*.

Мы имѣемъ предъ глазами „Журналъ о главныхъ началахъ, принятыхъ соединенными департаментами гражданскимъ и законовъ, при разсмотрѣніи проекта новаго устава гражданского судопроизводства.“ 36 засѣданій было посвящено для разсмотрѣнія сихъ началъ. И если бы можно было допустить, что русское гражданское судопроизводство не требуетъ никакихъ другихъ преобразованій какъ сокращенія времени въ ходѣ дѣлъ, отстраненія проволоки; то конечно „принятые начала“ можно было бы признать удовлетворительными, хотя и не вполне. Но развѣ это судопроизводство терпитъ только отъ проволоки, отъ множества инстанцій, отъ неопредѣлительности въ различныхъ постановленіяхъ; отъ уродливаго формализма, отъ безконечной переписки? Нѣтъ! Оно все, съ начала до конца, нигде не годится. Зачѣмъ довольствоваться отстраненіемъ одного зла, зла, повторяю, весьма великаго, и не подумать о полномъ и стройномъ учрежденіи всего судебного порядка? Тенереній порядокъ въ Россіи, въ главныхъ и основныхъ частяхъ своихъ, существуетъ со временъ Екатерины, т. е. около ста лѣтъ. Слѣхъ поръ во всѣхъ государствахъ европейскихъ послѣдовало множество преобразованій въ судахъ и въ судо-

производствѣ. Даже Англія, столь постоянно придержи-
вающаяся всего стараго и не жертвующая опымъ безъ
крайней, очевидной необходимости, рѣшилась сдѣлать въ
семъ отношеніи важныя перемѣны. Неужели и для Россіи
не настало наконецъ время приступить къ подобнымъ
преобразованіямъ? Кто возметъ на себя утверждать, что
потребность, необходимость преобразованийъ въ Россіи менѣе
чувствительна, нежели сколько она была въ другихъ
земляхъ?

Разсматривая къ какому роду можетъ быть отнесена
сія реформа, къ роду реформъ матеріальныхъ или къ роду
реформъ нравственныхъ, моральныхъ, мы не можемъ не
признать, что все дѣйствіе и вліяніе ея ограничится сфе-
рою матеріальною. Вліянія нравственнаго мы никакого не
предвидимъ. И подлинно! Вы сокращаете судебныя
инстанціи отъ 8 или 10 и болѣе до двухъ; вы отстра-
няете множество пустыхъ, неудобныхъ формъ, затруд-
няющихъ до безконечности ходъ дѣлъ судебныхъ. Это,
безъ сомнѣнія, весьма хорошо и весьма полезно. Но все,
въ сей реформѣ, ограничится тѣмъ, что дѣла будутъ
производиться *скорѣе*. Но будутъ ли онѣ производиться
лучше, дастъ ли реформа какія либо гарантіи, что дѣла
будутъ рѣшаемы съ болѣею справедливостію, съ болѣ-
шимъ безпристрастіемъ, съ лучшимъ пониманіемъ права и
закона? Взятокъ конечно будетъ менѣе, но только потому
что будетъ менѣе инстанцій и менѣе проволочки, а не по-
тому что труднѣе будетъ ихъ брать.

И такъ сокращеніе времени въ ходѣ дѣлъ и умень-
шеніе издержекъ по судебнымъ искамъ — вотъ все

чего можно надѣяться отъ новаго преобразованія. Никакого нравственнаго вліянія тутъ быть не можетъ. Того ли Россія ожидаетъ отъ законодателя?

Между тѣмъ, и при сей ограниченной сферѣ дѣйствія, мы встрѣчаемъ въ „принятыхъ началахъ“ нѣкоторыя ереси, кои намъ кажутся непостижимыми.

Такъ, напримѣръ, мы читаемъ на страницѣ 4 журнала:

„Обращеніе отъ системы письменной къ словесной было бы не что иное, какъ стремленіе къ невозможному возстановленію первобытной простоты отношеній, которая можетъ существовать только при первоначальномъ образованіи государствъ.“

Что это? Для насъ слова сіи совершенно непонятны. Неужели всѣ европейскія государства, гдѣ принято вполнѣ словесное судопроизводство, обратились „къ первобытной простотѣ отношеній, къ первоначальному образованію государствъ?“ Конечно соединеннымъ департаментамъ не безызвѣстно преобладаніе словеснаго судопроизводства надъ письменнымъ во всемъ образованномъ мірѣ.

Сіи самые департаменты смягчаются однакоже, въ послѣдствіи, въ своемъ безпощадномъ осужденіи словеснаго судопроизводства, замѣчал, что

„Полное господство одного письменнаго производства принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія къ самымъ очевиднымъ недостаткамъ настоящаго порядка и причинамъ медленности въ ходѣ дѣлъ и развитія формализма.“

И далѣе, что

„Словеснымъ порядкомъ могутъ быть обсуждаемы

такія только гражданскія дѣла, кои по простотѣ своей не требуютъ письменнаго изложенія; напротивъ дѣла, разрѣшеніе коихъ требуетъ или подробнаго обсужденія письменныхъ документовъ: крѣпостей, договоровъ и т. п. или же составленія и сличенія различныхъ счетовъ и расчетовъ, должны по необходимости подлежать порядку письменному. По мнѣнію соединенныхъ Департаментовъ введеніе въ гражданскія дѣла системы чисто словесной было бы не только неудобно, но и невозможно.“

Но если словесное судопроизводство „невозможно,“ то какъ же дѣла производится во всей Европѣ, гдѣ введено судопроизводство словесное?

Вотъ изъясненіе сей загадки.

„Извѣстно, говорятъ департаменты, что и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ словесная система получила болѣе развитія, судоговореніе не есть правило исключительное, и въ дѣлахъ многосложныхъ назначается письменное приготовленіе, или такъ называемая инструкція дѣла . . .“

Такое изъясненіе невозможности словеснаго судопроизводства неудовлетворительно. Впрочемъ нельзя понять что разумѣютъ департаменты говоря, что „въ дѣлахъ многосложныхъ *назначается* письменное приготовленіе, инструкція дѣла.“ Кто назначаетъ это приготовленіе? Кто его исполняетъ?

По всѣмъ симъ неяснымъ, невѣрнымъ, неловкимъ сужденіямъ департаментовъ о словесномъ судопроизводствѣ можно заключить, что они не дали сами себѣ точнаго отчета: въ чемъ именно состоитъ сущность такого производства.